
Содержание

Предисловие к новому изданию.....	9
Введение.....	11
<i>Глава 1.</i> Прелюдия к войне.....	21
<i>Глава 2.</i> «Вне себя от радости».....	42
<i>Глава 3.</i> Борьба начинается.....	67
<i>Глава 4.</i> От Монса до Марны.....	92
<i>Глава 5.</i> Зарываясь в землю: начало траншейной войны.....	121
<i>Глава 6.</i> Навстречу первому Рождеству: «грязь, слякоть и вши».....	149
<i>Глава 7.</i> Патовая ситуация и поиски решения.....	180
<i>Глава 8.</i> Высадки на Галлиполи.....	208
<i>Глава 9.</i> Антанта в опасности.....	217
<i>Глава 10.</i> Успехи Центральных держав.....	245
<i>Глава 11.</i> Неудачи Антанты продолжают.....	270
<i>Глава 12.</i> «Эта война закончится в Вердене».....	307
<i>Глава 13.</i> «Европа сошла с ума. Мир сошел с ума».....	333
<i>Глава 14.</i> Битва на Сомме: «Это будет кровавая баня».....	351
<i>Глава 15.</i> Война на всех фронтах.....	381
<i>Глава 16.</i> Интенсификация войны.....	405

<i>Глава 17.</i> Война, дезертирство, мятежи.....	436
<i>Глава 18.</i> Тупик на Западе, хаос на Востоке.....	461
<i>Глава 19.</i> Битва при Пасхендале, революция в России.....	488
<i>Глава 20.</i> Условия войны и мира.....	505
<i>Глава 21.</i> Центральные державы на пороге триумфа.....	529
<i>Глава 22.</i> Германия: последний натиск.....	546
<i>Глава 23.</i> «Бой, только бой, остальное не имеет значения».....	559
<i>Глава 24.</i> Контрнаступление союзников.....	579
<i>Глава 25.</i> Переломный момент.....	608
<i>Глава 26.</i> Крах Центральных держав.....	632
<i>Глава 27.</i> Последнее перемирие.....	662
<i>Глава 28.</i> Заключение мира и память.....	672
<i>Глава 29.</i> «...В память о той великой войне».....	697
Благодарности.....	721
Библиография.....	723
Карты.....	738
Фотоматериалы.....	765

... Не проворным достается успешный бег,
не храбрым — победа... но время и случай для всех их.

Екк. 9: 11

Предисловие к новому изданию

Первая мировая война закончилась в 1918 г. 11 ноября 2008 г., в День примирения, были живы только три британских ветерана Первой мировой. Младшему из них исполнилось 106 лет.

Когда в конце 1940-х — начале 1950-х гг. я учился в школе, трое моих учителей были участниками Первой мировой войны, а позже — несколько моих университетских преподавателей. В 1960 г., занявшись историческими исследованиями, я встречался со многими ветеранами войны, моряками, пехотинцами и летчиками. Фельдмаршал Монтгомери и фельдмаршал Александер, прошедшие окопы Первой мировой, поддержали мою работу, как и адмирал Ричард Белл Дэвис, награжденный Крестом Виктории за бои на Галлипольском полуострове.

Разные аспекты той войны, которая должна была покончить с войнами, я отразил в книгах «Атлас Первой мировой войны» (Atlas of First World War) и «Битва на Сомме: героизм и ужас войны» (The Somme: The Heroism and Horror of the War). Я побывал на полях сражений Западного фронта и Палестины, Северной Италии и Балкан, читал надписи на мемориалах Первой мировой войны в Газе и Иерусалиме, на Галлиполи и на Суэцком канале, в Нью-Дели, на Ипре и на хребте Вими, на Сомме и в Компьене, в Риме и Берлине, а также в музеях войны в Брюсселе, Белграде, Оттаве и Канзас-Сити.

Воспоминания, биографии, романы, пьесы и фильмы познакомили послевоенные поколения со многими ликами той войны. Несмотря на последовавшую за ней Вторую мировую и другие войны, которые велись до конца столетия и позже, образы и отзвуки Первой мировой войны продолжали влиять на общественное сознание — как и подвиги солдат на земле, на море и в воздухе. Спустя десятки лет после окончания Первой мировой крестьяне и строители все еще находят ржавые снаряды и изуродованные скелеты.

Это новое издание книги предназначено поколению, для которого Первая мировая война уже почти история, хотя на ней сражались их отцы и деды. Та война продолжает жить в журнальных статьях, книгах, на сайтах в интернете, в музеях, памятниках, военных кладбищах, в экскурсиях на поля сражений, которые постоянно напоминают нам о четырех страшных годах. В течение этих четырех лет большая часть «цивилизованного» мира — из лучших, худших и неизвестных побуждений — сошла с ума, а более 8 600 000 человек (многим еще не исполнилось двадцати или было чуть за двадцать) погибло на полях сражений.

Мартин Гилберт
11 ноября 2008 г.

Введение

В Первую мировую войну было убито более 9 миллионов солдат, моряков и летчиков, свыше 5 миллионов гражданских лиц погибло во время оккупации, от авианалетов, голода и болезней. Двумя другими разрушительными последствиями войны стали геноцид армян в 1915 г. и эпидемия гриппа, начавшаяся во время боевых действий. Бегство сербов из родной страны в конце 1915 г. — еще один жестокий эпизод, сопровождавшийся массовой гибелью мирных жителей, как и морская блокада Германии, приведшая к смерти более 750 000 немцев.

Создается впечатление, что в 1914–1918 гг. происходили две очень разных войны. Первая — война солдат, матросов и летчиков, торговых флотов и гражданского населения во время оккупации, когда страдания и беды отдельных людей превосходили все мыслимые пределы, особенно в окопах на передовой. Другую вели главы государств и министры, пропагандисты и идеологи, в тесном сплетении идеологий и политических и территориальных амбиций определяя будущее империй, народов и целых наций так же неотвратно, как и на полях сражений. В определенные моменты, особенно в 1917 и 1918 гг., война армий соединялась с войной идеологий, приводя к революциям и капитуляциям, вызывая к жизни новые политические и национальные силы.

Война изменила карту мира и судьбу Европы, оставив шрамы на ее теле и страх в ее душе.

В конце Второй мировой войны я был школьником, но многое постоянно напоминало мне о Первой мировой, хотя она и закончилась 27 лет назад. Школьный швейцар, «Джонсон-дворник», бывший королевский морской пехотинец, ветеран морского десанта в Зебрюгге в 1918 г., как рассказывали, за проявленную храбрость был представлен к награде. Директор школы, Джефффри Белл, воевал на Западном фронте и получил Военный крест, но при этом отличался пацифистскими взглядами, которые прививал и нам, мальчишкам. Один из первых моих учителей истории, Э. П. Уайт, тоже прошел окопы: бывало, он маршировал по классу со шваброй на плече, распевая строевые песни. Когда я начинал работу над этой книгой, были опубликованы его эмоциональные, исполненные страдания письма с фронта. Старший брат моего отца, дядя Ирвинг, сражался на Сомме. Он был настолько потрясен и напуган тем, через что ему пришлось пройти, что нам, детям, строго-настрого запретили его об этом расспрашивать. Он умер, когда я работал над этой книгой, в возрасте 93 лет.

И в 1954–1955 гг., когда я служил в армии, Первая мировая война не давала о себе забыть. Полк, форму которого я носил, Уилтширский пехотный, в октябре 1914 г. потерял целый батальон в Рётеле, на Ипрской дуге, когда 1000 человек было убито, а немногие выжившие оказались в плену. Другой батальон был практически уничтожен за несколько минут на склонах Чунук-Баира на полуострове Галлиполи в 1915 г. Еще один батальон уилтширцев в 1917 г. попал под обстрел германской корабельной артиллерии на Салоникском фронте. Какую бы тему я ни исследовал — британское господство в Индии на стыке веков или установление советской власти на Украине в 1920-х гг., — Первая мировая война напоминала о себе при каждом удобном случае. С. С. Дэвис, мой наставник по истории Индии, все еще страдал от ранения, полученного на Западном фронте. В начале 1960-х гг. исследования в области исторической географии привели меня в лондонскую квартиру Арнольда Тойнби. На камине стояли фотографии полудюжины молодых людей в военной форме, и я спросил, кто на них изображен. Он ответил, что это его близкие университетские друзья — все они погибли в окопах.

За годы странствий я побывал во многих местах боевых действий или так или иначе связанных с войной. В 1953 г. по совету

Алана Палмера, одного из моих преподавателей истории, я посетил различные военные мемориалы, чтобы увидеть события с разных точек зрения. Я побывал в Вене, где Хофбург и Балльхаусплац напомнили мне о стареющем императоре и министре иностранных дел, в Любляне, в годы войны еще называвшейся Лайбахом, славянское население которой боролось за независимость от Австрии, а солдаты больше не желали поддерживать власть Габсбургов, и в Венеции, в 1917 г. охваченной страхом перед возможным вторжением австрийцев.

В июне 1957 г. в Сараево я стоял на том самом месте, где в июне 1914 г. Гаврило Принцип сделал свой роковой выстрел. Даже при советской власти в Югославии Принципа почитали как одного из борцов за национальную независимость. Две бетонных плиты увековечили два шага, которые привели Европу к страшному четырехлетнему конфликту. В том же году в Белграде я смотрел через реку туда, откуда в первый день войны по сербской столице била австрийская артиллерия. Десять лет спустя мы с отцом побывали у границы Западного фронта: мы останавливались в Аррасе, к востоку от которого бесчисленные военные кладбища служили безмолвным напоминанием о сражениях 1917 и 1918 гг., и в Ипре, где каждый вечер в восемь часов слушали вечернюю зарю, которую два музыканта Ипрской пожарной бригады играли у Мененских ворот.

Когда под сенью огромной арки звучит горн, останавливаются все проезжающие машины. Работа горнистов частично оплачивается из наследства Редьярда Киплинга, чей единственный сын пал в битве при Лосе. На стенах и колоннах монументальных ворот запечатлены имена 54 896 британских солдат, погибших на Ипрском выступе между октябрём 1914 г. и серединой августа 1917 г. и не похороненных. На резьбе видны следы от осколков снарядов — память о Второй мировой войне. Имена погибших в 1914–1918 гг. еще не закончили вырезать, когда в мае 1940 г. снова пришли немцы. Тогда плиты вывезли в Британию.

Мы с отцом шли по Ипрской дуге от Мененских ворот с картами траншей в руках, останавливаясь на месте каждого боя и читая заметки из многотомной официальной истории генерала Эдмона, письма и воспоминания солдат, стихи. Мы стояли в тишине, как и все посетители, на мемориальном кладбище Тайн-Кот в Пасхендале, где высечены имена еще 34 888 солдат, погибших с середины августа 1917 г. до окончания войны в ноябре 1918 г., и где

захоронены останки, которые не удалось идентифицировать. На надгробиях более чем 11 000 могил указаны имена погибших. Даже свежескошенная трава, тщательно ухоженные клумбы и пятидесятилетние деревья не могут смягчить шок от такого количества имен и захоронений. Неподалеку отсюда, в Менене, который немцы удерживали всю войну за исключением одного месяца, мы посетили военное кладбище, где похоронено 48 049 немецких солдат.

Спустя 15 лет после моей поездки в Сараево, на место убийства эрцгерцога Франца Фердинанда — убийства, с которого, можно сказать, и началась Первая мировая война, я посетил лесную поляну близ Ретонда во Франции, чтобы увидеть копию железнодорожного вагона, где в ноябре 1918 г. немцы подписали перемирие. По настоянию Гитлера в том же вагоне в 1940 г. была принята капитуляция Франции. Множество связующих нитей между двумя войнами напоминают о том, что их разделял всего лишь 21 год. Некоторые из тех, кто прошел через окопы Первой мировой, во Второй мировой возглавили воюющие стороны — Гитлер, Черчилль и де Голль. Другие оказались среди их ближайших сподвижников и командующих высшего ранга — Роммель, Жуков, Монгмери и Гамелен. Некоторые, такие как Хо Ши Мин, в Первую мировую служивший добровольцем-санитаром во французской армии, или Гарольд Макмиллан, сражавшийся и раненный на Западном фронте, стали влиятельными фигурами уже после Второй мировой войны.

В 1957 г. я посетил места боев на русско-турецкой границе и села, в которых в первый год войны были убиты сотни тысяч армян. Десятью годами позже я побывал на военном кладбище в Газе, где невысокие, из-за постоянной опасности землетрясения, надгробные камни хранили имена тысяч солдат, погибших в одном из самых жестоких конфликтов, когда-либо происходивших между англичанами и турками. Я стоял на том самом месте близ Иерусалима, где ранним утром двое британских солдат, искавших птичьи яйца, увидели приближавшихся к ним сановников и священнослужителей, в том числе христианских священников, имамов и раввинов, предложивших им вместо еды сдачу Святого города. Начиная с 1969 г. я три года подряд путешествовал по Галлипольскому полуострову, читая вслух куски из двухтомной официальной истории войны Эспиналя-Огландера и других работ, побывал на местах высадок, поднимался на холмы и спускался в овраги. Контраст между нынешней красотой и спокойствием здешних мест и тем ужасом

и страданиями, которые они видели в 1915 г., никогда не переставал преследовать меня.

Исследуя жизнь Уинстона Черчилля, мне довелось читать вслух его ежедневные письма жене с Западного фронта во дворах разрушенных ферм, где они были написаны. В них он восхищался выносливостью тех, кто не мог, как он, вернуться спустя полгода к комфорту гражданской жизни в Лондоне. За восемь лет до начала войны в письме жене из-под Вюрцбурга, где проходили маневры германской армии, на которые его пригласил сам кайзер, Черчилль писал: «Чем больше война привлекает и завораживает меня своим многообразием и непредсказуемостью, тем глубже я с каждым годом ощущаю — и это чувство особенно сильно здесь и сейчас, когда вокруг меня столько оружия и техники, — насколько ее природа омерзительна и жестока, все это — страшная глупость и варварство».

В 1991 г., несколько месяцев спустя после падения железного занавеса, я посетил недавно обретшую независимость Украину, где прошелся по бывшим австрийским казармам приграничного городка Броды, через который в 1914 г. так уверенно маршировали русские войска во время своего первоначального триумфа и откуда они были выбиты всего год спустя. Несмотря на решение Ленина и большевистской партии выйти из войны в 1918 г., боевые действия на Восточном фронте не прекращались еще два года после окончания Первой мировой: сначала здесь шла Гражданская, затем — советско-польская война. По дороге из Брод во Львов я проезжал мимо огромного бронзового всадника, который с воодушевлением указывал в сторону Варшавы (прежде чем советские памятники были демонтированы). Впечатляющая статуя напоминала о попытке большевиков захватить Польшу в 1920 г. Эта кампания, как и старания России сохранить Польшу в составе империи шестью годами ранее, потерпела крах. В Варшаве я несколько раз стоял перед Могилей Неизвестного Солдата. В отличие от Вестминстерского аббатства или Триумфальной арки в Париже, она не увековечивает память погибших в Великой войне 1914–1918 гг., а посвящена жертвам советско-польской войны 1920 г.

В течение четырех десятилетий многие ветераны рассказывали мне о том, как они сражались на различных фронтах. В 1954–1955 гг., будучи молодым военным, я посетил множество семей, где доживали свой век на всю жизнь искалеченные окопными буднями старики. В период своих изысканий, начавшихся в 1960 г., я

встретился с большим количеством пехотинцев, моряков и летчиков всех воевавших армий. Их воспоминания, письма и документы, бережно хранимые с тех суровых дней, были настоящим порталом в прошлое. Мне также очень помогли личные беседы с одним из историков Первой мировой войны, сэром Джоном Уилером-Беннетом, и с тремя старшими коллегами, с которыми мне довелось работать в 1962 г. в Мертон-колледже в Оксфорде, — Алистером Харди, Хьюго Дайсоном и Майклом Поланием: каждому из них пришлось повидать и благородные, и самые грязные и уродливые лики той далекой войны. Харди и Дайсон воевали на Западном фронте, Поланий служил медиком в австро-венгерской армии.

Работая над книгами о Черчилле, я встречался с 80-летним генералом Сэйвори, воевавшим на Галлиполи. Он предложил мне пощупать след от турецкой пули у него на голове. Его боевой путь продолжился в Месопотамии и Сибири. Летчик, сэр Ричард Белл Дэвис, также сражавшийся на Галлиполи, где он был награжден Крестом Виктории, достал из бумажника кусок туалетной бумаги, на которой был изображен германский кайзер с подписью «Подотри мной задницу».

Двое других солдат, воевавших на Западном фронте с самого начала боевых действий, поразили меня рассказами о своей дружбе и воспоминаниями. Один из них — французский художник Поль Маз, кавалер ордена «За боевые заслуги», Воинской медали с планкой (Великобритания) и Военного креста, после войны переехал в Англию. Он чудом вырвался из Парижа, когда в июне 1940 г. его уже заняла немецкая армия. Все четыре года войны Маз служил в военной разведке и был участником всех крупнейших операций британской армии. Второй ветеран — британский политик генерал-майор сэр Эдвард Льюис Спирс, кавалер Военного креста (Британия), после Первой мировой войны избранный в парламент, а в июне 1940 г. переправивший генерала де Голля в Англию. И Маз и Спирс в своих военных мемуарах и рассказах старались воссоздать достоверную картину боевых действий во Фландрии, описать настроения и надежды солдат, показать трудности и лишения, через которые им пришлось пройти за долгие четыре года от объявления войны в 1914 г. до подписания мирного договора в 1918 г.

Я до сих пор отчетливо помню 3 сентября 1976 г., когда я обедал с Энтони Эденом, впоследствии графом Эйвоном, в его доме в Уилтшире. Он рассказывал о различных эпизодах Второй миро-

вой, начавшейся ровно 37 лет тому назад. Его сыну Саймону, пилоту и офицеру Королевских ВВС, был 21 год, когда в июне 1945 г. он погиб в небе Бирмы. Мы говорили о решении Британии в 1941 г. прийти на помощь Греции, об угрозе поражения СССР в 1942 г. и даже о возможности сепаратного мира между Германией и СССР.

Многие эпизоды напоминали подобные ситуации во время Первой мировой: решение Великобритании в 1915 г. оказать военную помощь Сербии, высадившись в том же порту Салоники, где в 1941 г. будут разгружаться британские транспортные суда, отправленные в поддержку грекам, и выход России из войны в 1917 г. А Николасу Эдену, командиру расчета артиллерийской башни на линейном крейсере Королевских ВМС «Индефатигебл», на момент гибели было всего 16 лет.

В работе над исследованиями жизни Черчилля мне помогал и Гарольд Макмиллан, и долгое время я не догадывался, почему у него такой неразборчивый почерк, все время трясутся руки, а походка нервная и дерганая. Все это были последствия ранений, полученных в 1916 г.

Путешествия убедили меня, что в Европе не найти региона, где не было бы памятников и мемориалов, посвященных Первой мировой войне. Варшава и Лилль, Брюссель и Белград ощутили всю тяжесть оккупации во время обеих мировых войн. Солдаты уходили на войну из Праги и Будапешта, Берлина и Вены, Парижа и Рима, Лондона и Нью-Йорка, Кейптауна и Бомбея. Те, кто вернулся, подавленные и усталые, видели, как горе и лишения пришли на смену энтузиазму и воодушевлению первых дней войны. Памятники в каждом из этих городов напоминают об огромных человеческих потерях.

Я изучил надписи и иконографию огромного количества военных мемориалов. Все они — свидетельства уничтожения живого, от могил отдельных солдат и гражданских лиц до надписей на памятниках, говорящих о гибели более чем полумиллиона лошадей во время боевых действий и 15 000 утонувших на пути к фронту: эти памятники составляют потрясающий воображение, местами красивый, а иногда гротескный ансамбль, напоминающий о разрушении и смерти. Открытие каждого памятника, например канадского мемориала на хребте Вими в 1936 г., всякий раз оживляет память о прошлом. Даже после Второй мировой войны, на парадах в честь ее окончания, всеобщее внимание привлекали ветераны Первой

мировой, все в медалях. В 1974 г. в Булони я наблюдал за марширующими солдатами обеих войн и за согбенным стариком, шестьдесят лет назад выжившим в битве на Марне и занимавшим почетное место во главе колонны.

Конечно же во время войны боевые действия занимали первые полосы газет во всем мире, но не меньше места отводилось известиям о мятежах, забастовках и революциях, происходивших в тылу, как и трудовым подвигам миллионов людей на фабриках и в трудовой армии. Горчичный газ стал новой и неожиданной угрозой для солдат. Подводные лодки потопили не одну сотню кораблей, оставив покоиться на дне морском тысячи моряков, военных и гражданских. Воздушные налеты и бомбардировки были постоянным кошмаром для мирного населения. Голод и лишения выпали на долю миллионов простых людей далеко за линией фронта.

Мои исследования легли в основу нескольких книг, в которых центральное место занимала Первая мировая война. Среди них «Сэр Хорас Рамбольд, портрет дипломата» (Sir Horace Rumbold, Portrait of a Diplomat) — свидетельство британского дипломата в Берлине о самом начале войны; третий и четвертый тома биографии Черчилля, где говорится о боевых действиях в Дарданеллах, на Западном фронте и создании Министерства вооружений; а также «Атлас Первой мировой войны» (Atlas of First World War), наглядно и детально показывающий обстановку на каждом из фронтов и ее изменения в ходе боевых действий. Влиянию войны на взаимоотношения арабов и евреев на Ближнем Востоке посвящены три главы в труде «Изгнание и возвращение: борьба евреев за родную землю» (Exile and Return, Struggle for a Jewish Homeland). Письма, которые я опубликовал в 1964 г. в книге «Великобритания и Германия между двумя мировыми войнами» (Britain and Germany Between Wars), говорят о том, как ход войны отразился на итоговых мирных соглашениях и межвоенных годах.

В том же 1964 г., вскоре после того, как рукопись «Европейских держав в 1900–1945 гг.» (European Powers 1900–1945) была сдана в оксфордскую типографию, меня пригласила на встречу миссис Ваверка, глава издательства. В своей книге я возложил на Австрию часть ответственности за начало боевых действий в 1914 г., что и вызвало ее озабоченность и недовольство. Она родилась и получила образование в Вене. Как еврейка, в 1938 г. она была вынуждена уехать из страны, но не сомневалась в невиновности Австрии

в событиях 1914 г. По ее мнению, вина полностью лежала (и мне следовало отметить это в книге) на русских и сербах.

Этот эпизод произвел на меня сильное впечатление, как и рассказ миссис Ваверки о страшных голоде и нищете в послевоенной Вене и о политических событиях после войны, поставивших крест на империи Габсбургов.

Для кого-то эта война начиналась как акт наказания и возмездия. Для других она обернулась войной за то, чтобы покончить с войнами. Само ее название — Великая война — говорит о невиданных доселе ее масштабах, но за ней последовала другая, еще более разрушительная, война, а затем бесчисленные «малые» конфликты по всему миру. На январь 1994 г. насчитывалось тридцать два очага боевых действий, разбросанных по всей планете. О Первой мировой войне продолжают вспоминать в дискуссиях даже о самых современных конфликтах. 26 декабря 1993 г., когда я писал эту книгу, британский репортер, говоря о том, что рождественское перемирие в Боснии так и не наступило, стоя перед камерой на фоне глубокой траншеи, сказал: «Оборонительные сооружения вокруг Витеза напоминают окопы Первой мировой, они такие же грязные». Траншея была не так уж грязна, залита водой или разрушена артиллерийским огнем, но этот образ отпечатался в памяти и всплыл через 80 лет после Первой мировой, пережив несколько поколений. Небольшой отрезок времени, когда длилась война — всего 4 года и 3 месяца, — вдохновил, озадачил и взбудоражил целое последующее столетие.

Первая мировая привела к политическим изменениям, не менее разрушительным для жизни и свободы, чем сама война, и ставшим причиной более чем полувековой тираннии. Некоторые новые границы, проведенные на мировой карте после войны, спровоцировали многолетние конфликты и до сих пор дают повод к спорам и вооруженным столкновениям.

В 1923 г. Редьярд Киплинг в предисловии к книге «Ирландская гвардия в Великой войне» (*Irish Guards in Great War*) написал: «Единственное чудо для автора этого исследования — немногие подлинные факты, выловленные им в водоворотах войны». С первых выстрелов, прозвучавших 80 лет назад, исследователи вели поиски как среди главных и крупнейших событий, так и среди незначительных эпизодов, а также пытались разгадать многие головоломки и нестыковки. Эта книга представляет собой попытку пере-

дать результаты моих изысканий, прочтений, а также мои чувства и взгляды на события, которые, как и холокост в последующие годы, наложили уродливое клеймо на весь западный мир. Кроме того, это попытка рассказать истории отдельных людей на фоне глобальной стратегии командующих самого высокого ранга и операций, в которых были задействованы сотни тысяч солдат.

Если бы каждому из 9 миллионов погибших в Первой мировой войне можно было посвятить хотя бы одну страницу, описать их деяния и страдания, их чаяния, предвоенную жизнь и любовь, пришлось бы написать 20 тысяч таких книг, как эта. Боль и лишения отдельного человека теряются на фоне исторического процесса, но именно ему уделяют внимание все историки. 3 декабря 1993 г. я был потрясен тремя короткими фразами в написанном Мейром Ронне-ном обзоре двух книг по истории Первой мировой войны. Статья вышла в *Jerusalem Post*, слова Роннена звучали так: «В 1914–1918 гг. миллионы людей страдали и погибли в грязи во Фландрии. Кто помнит их? Даже те, на чьих могилах есть имена, сейчас стали неизвестными солдатами».

Никакая книга не способна восстановить справедливость, отдав должное всем, кто на своих плечах вынес тяжесть войны, хотя было сделано несколько достойных попыток. Среди последних — книги Лин Макдональд в Великобритании и Стефани Одуен-Рузо во Франции (первую рецензировал Мейр Роннен, вторая — биография поэта Исаака Розенберга, павшего в бою 1 апреля 1918 г.). В своей книге я попытался рассказать о страданиях людей как о неотъемлемой части повествования об одной из величайших войн в нашей истории.

Мартин Гилберт
Мертон-колледж, Оксфорд
20 июня 1994 г.

Глава 1

Прелюдия к войне

Война между великими державами активно обсуждалась в первой четверти XX в. политиками, писателями, учеными и философами, и тем не менее природа европейского конфликта, в отличие от столкновений во времена колониальной экспансии, казалась малопонятной. Все привыкли к ограниченным, но неизменно успешным и быстрым военным кампаниям против слабого противника, где пулемет противостоял копьям, а мощь корабельных орудий — древним пушкам. Впрочем, эти конфликты способны были напугать лишь их непосредственных участников, широкая общественность имела смутное представление о том, что происходило за тысячи километров.

С чего Европе было бояться войны? В 1914 г., перед самым началом Первой мировой, французский полковник, бывший подростком, когда в 1870 г. Германия напала на Францию, услышал разговор молодых офицеров, выпивавших за скорейшее начало войны и смеявшихся над такой возможностью. Он оборвал их смех вопросом: «Думаете, война — это *toujours drôle*, всегда забавно?» Полковника звали Анри-Филипп Петен. Двумя годами позже под Верденом он стал свидетелем жесточайшей бойни XX столетия.

Французы, чей смех прервал Петен, разделяли ненависть большинства соотечественников к Германии, возникшую больше 40 лет

назад, 2 мая 1871 г. Тогда в отеле «Шван» во Франкфурте-на-Майне германский канцлер Отто фон Бисмарк подписал соглашение, по которому Эльзас и большая часть Лотарингии перешли во владение Германии. В тот день германские войска вошли в Мец под залпы победного салюта. В классных комнатах иезуитского колледжа Святого Климента, как в 1931 г. писал британский историк Бэзил Лиддел Гарт, «послание, переданное пушками, не требовало перевода. Мальчишки вскочили на ноги. Директор, поднявшись вслед за ними, воскликнул: «Дети мои!» — затем, не в силах сказать больше ни слова, склонил голову и сложил руки, как для молитвы. Память об этом ужасном моменте оставила несмываемый след в душах учеников». Одним из этих молодых людей был 19-летний Фердинанд Фош, который не смирился с тем, что его родина потерпела поражение до того, как он смог пойти на фронт.

Не все в только что объединенной Германии были удовлетворены результатами победы. Амбиции немцев возрастали с ростом промышленной мощи страны. Стремление к колониальной экспансии, не меньшему, чем у Великобритании, морскому могуществу, влиянию на азиатских мусульман, доминирующей роли в Европе постоянно подпитывало чувство неполноценности немцев. Очевидно, Германия, объединившаяся лишь в 1871 г., слишком поздно для империи вступила в борьбу за власть, влияние и уважение на международной арене. Необходимость дальнейшей войны и необходимость накопить достаточное военное могущество для безоговорочной победы — таковы были главные выводы книги «Германия и будущая война» (*Deutschland und der nächste Krieg*), опубликованной в 1912 г. кавалерийским офицером в отставке Фридрихом фон Бернгарди. В 1871 г. Бернгарди побывал в Париже в числе победителей, и в своей книге он подчеркивал, что Германии необходимо начать войну, чтобы не проиграть битву за мировое господство. «Единственный закон природы, перед которым ничего не значат все остальные ее законы, — пишет он, — это борьба за существование». Война была «биологической необходимостью». Немецким солдатам на сорок лет моложе его вскоре предстояло испытать эту уверенную теорию на поле боя и умереть, проверяя ее на практике.

Франко-прусская война 1870–1871 гг. стала последней войной между европейскими державами в XIX в. В битве при Седане с каждой стороны погибло три тысячи солдат, а во время гражданских волнений в Париже было казнено более 25 000 коммунаров.

Этот жестокий пример показал, как дорого обходятся большие войны и насколько непредсказуемыми по своему разрушительному эффекту могут быть их последствия. После 1871 г. Германская, Французская, Бельгийская и Британская империи продолжали расширять свои заокеанские владения, празднуя блестящие победы и испытывая горечь редких, но ощутимых поражений. Среди нескольких сотен британских солдат, в 1879 г. погибших от рук зулусов у Исландваны, был и сын Наполеона III. В 1894 г. полковник-лейтенант Жоффр вел свою колонну по пескам Сахары на штурм Тимбукту. На стыке веков германский полковник Эрих фон Фалькенхайн в составе командования иностранного экспедиционного корпуса создал себе репутацию безжалостным подавлением восстания боксеров в Китае. Именно тогда кайзер Вильгельм II сравнил германских солдат с гуннами, не подозревая, что случайно оброненная фраза спустя короткое время приобретет прямо противоположное значение. «Как тысячу лет назад гунны под предводительством Аттилы завоевали славу, запечатлевшую память о них в мировой истории, — сказал он, — Германия должна запомниться Китаю, чтобы ни один китаец не смел даже косо посмотреть на немца»¹.

Эти, как правило, далекие, но всегда кровавые войны послужили предостережением тем, кто был способен услышать. В 1896 г. британский классик А. Э. Хаусман писал о жестокости войны в поэтическом сборнике «Парень из Шропшира» (A Shropshire Lad):

В волнах летнего дурмана
 Был ручьем я усыплен.
 Слышу: грохот барабана
 Пробивается сквозь сон.

То звучнее он, то тише
 Раздается там и тут.
 Для мортир готова пища —
 Юноши на смерть идут.

¹ Античные гунны — племена монгольского происхождения, в IV и V вв. с берегов Каспийского моря совершавшие набеги на Европу, в конце под предводительством Аттилы. После завоевания Германии Аттила был остановлен на Марне (!) около городка Шалон объединенной армией римлян и готов, а готское племя тевтонов входит в число прародителей современных немцев. *Авт.* (Здесь и далее примечания с пометой *Авт.* принадлежат Мартину Гилберту, все прочие сделаны редактором.)

На полях былых сражений
 Кости белые лежат.
 Все они — добыча тленья,
 Нет для них пути назад.
 В горн трубят трубач отважный,
 Флейта звонкая поет.
 Все готовы к бою. Каждый
 В Воскресенье оживет¹.

Пятью годами позже тревожным рифмам Хаусмана вторил голос 26-летнего члена палаты общин, консерватора Уинстона Черчилля. Участвовавший в боевых действиях в Индии, Судане и в Англо-бурской войне Черчилль услышал предложения некоторых политиков о создании армии, способной воевать на равных с европейским противником. «В последнее время я часто удивляюсь, слыша бойкие и хладнокровные высказывания членов парламента и даже министров о европейской войне», — заявил он 13 мая 1901 г., через три месяца после вступления в парламент. Далее он развил свою точку зрения, рассуждая о том, что прошлые войны велись «малыми регулярными армиями, состоящими из профессиональных солдат», в будущем же, когда «друг на друга пойдут целые народы», война в Европе закончится лишь «полным истреблением побежденных с едва ли менее фатальным истощением и экономическим коллапсом победителей».

Демократия, предупреждал Черчилль, будет гораздо «более мстительна», чем королевская власть и правительства старых формаций: «Войны народов окажутся куда ужаснее, чем войны королей». Десятью годами позже, 9 августа 1911 г., когда охваченная военной лихорадкой Германия пошла на открытый конфликт с Британией и Францией, захватив на Атлантическом побережье порт Марокко, лидер немецких социал-демократов Август Бебель высказал рейхстагу предостережение: война может привести к революции. Его осмеяли, назвали паникером, один из парламентариев ответил ему, что «после войны положение вещей всегда улучшается!».

Соперничество, порождающее войны, не способна смягчить логика антивоенных настроений. Первое десятилетие XX в. ознаменовалось множеством проявлений такого соперничества и различными обидами между народами, чьи истинные потребности, стремления и возможности должны были бы заключаться в мире,

¹ Здесь и далее, если не указано иначе, стихи приводятся в переводе Анны Курт.

торговле, промышленности и росте национального благосостояния. Целых четыре десятилетия во Франции копилось раздражение против Германии из-за потери территорий, аннексированных в 1871 г. Совет французского патриота Леона Гамбетта «Никогда не говорите об этом, но всегда помните» постоянно звучал в ушах французов. Статуя Страсбурга на площади Конкорд, затаенная черной тканью, служила им вечным напоминанием о потере двух восточных провинций. В путеводителе по Парижу Карла Бедекера, вышедшем в 1900 г. в Лейпциге, о задрапированной статуе говорится: «В память об утраченном Эльзасе «Страсбург» затаен крепом и покрыт траурными венками». Со своей стороны, Германия лелеяла неумные территориальные амбиции, особенно за пределами восточной границы. Немцы надеялись присоединить западные польские губернии Российской империи, а также расширить немецкое влияние в Центральной Польше, Литве и вдоль Балтийского побережья. Империя Вильгельма II стремилась восстановить баланс сил, впервые нарушенный двести лет назад Петром I, а через сорок лет после его смерти — Екатериной Великой.

Амбициозные планы Николая II распространялись прежде всего на Балканы, где Россия выступала в роли защитника славян и союзника славянской Сербии, неустанно боровшейся за увеличение своей территории и выход к морю. Российская империя также считала себя поборником прав славянских народов под австрийским правлением. У самой русской границы на территории Австро-Венгрии жили три славянских меньшинства, которым покровительствовала Россия: украинцы, русины и поляки.

Австро-Венгрия, которой с 1848 г. правил Франц Иосиф, пыталась сохранить собственную громоздкую имперскую структуру, балансируя между многочисленными национальными меньшинствами. В 1867 г., желая найти компромисс между требованиями немцев и венгров, Франц Иосиф принял титул императора Австрии и короля Венгрии. Австрийцы разработали сложную парламентскую систему, целью которой было предоставить место в законодательном органе каждому из народов¹. Но само нежелание Габсбургов что-либо менять

¹ Закон от 26 января 1907 г. установил для австрийского парламента, где имелось 515 мест, следующие национальные квоты: 241 немец, 97 чехов, 80 поляков, 34 русина, 23 словенца, 19 итальянцев, 13 хорватов, 5 румынов и 3 серба. В последовавших выборах чехи, поляки и русины сформировали левое крыло. В парламенте было и 5 депутатов-евреев (4 сиониста и 1 демократ). Основная партия левых, социал-демократы, состояла из 50 немцев, 23 чехов, 7 поляков, 5 итальянцев и 2 русинов. *Авт.*

столкнулось со стремлением обуздать возмутителя спокойствия, угрожавшего австрийскому господству на юге, — постоянно растущее (по крайней мере, по мнению Австрии) Сербское государство.

В Великобритании писатели и журналисты, равно как и адмиралы с парламентариями, били тревогу, твердя о растущей военно-морской мощи Германии. В начале лета 1914 г. эти опасения подогрело известие о грядущем расширении Кильского канала, что позволило бы безопасно и стремительно перебрасывать немецкие корабли из Балтийского моря в Северное. Антинемецкий пафос господствовал на страницах популярных изданий, настоятельно рекомендовавших правительству ввести всеобщую воинскую повинность, чтобы в случае войны не зависеть от маленькой профессиональной армии. Либеральный кабинет жестко отклонял все подобные предложения.

Схема европейских альянсов отражала стратегические опасения всех государств. Две Центральные державы, Германия и Австро-Венгрия, были связаны как формальными, так и теплыми дружественными отношениями. С 1892 г. все больше сближались Франция и Россия, с обеими Британия достигла соглашения с целью сократить вероятность конфликта. Англия и Франция, не заключая формального союза, в 1904 г. подписали *Entente cordiale* (фр. «Сердечное согласие»), урегулировавшее их взаимные претензии в Египте и Марокко, а с 1906 г. начали совместные совещания по военным вопросам. Благодаря этим соглашениям и переговорам и возникла Антанта, союз Англии, Франции и России, создавший для Центральных держав угрозу вражеского окружения. Особенно этого опасался кайзер Вильгельм II. Он мечтал о Германии, которую бы уважали, боялись и одновременно восхищались. Внук королевы Виктории, он возмущался тем, что в мире господствуют ее сын Эдуард VII и внук Георг V, короли, чья империя включала Индию с ее сотней миллионов подданных.

Во дворце Вильгельма в Потсдаме его окружали реликвии, напоминавшие о предке, Фридрихе Вильгельме I, создателе прусской армии. «В наши дни, — писал Карл Бедекер в 1912 г., — характерной чертой городских улиц стали бесчисленные военные, особенно отборные солдаты гвардейских полков». В Потсдаме находилась и бронзовая конная статуя Вильгельма I, установленная в 1900 г. Вильгельмом II, с богиней Победы перед пьедесталом. Богиню, во времена Римской империи покровительницу цезарей, окружали рельефы, изображавшие юного принца в битве при Бар-сюр-Об

в 1814 г., во время войны с Наполеоном, и триумфальное вступление немецкой армии в Париж в 1871 г.

Ирония заключается в том, что первое известное упоминание о Потсдаме, символе военного могущества и имперского статуса Германии, относится к X в. и, по словам Бедекера, свидетельствует о «древнеславянском происхождении» города. С тех пор ни о каких славянах в Потсдаме не слышали, хотя в 1945 г. русские встретились там с союзниками как победители, завоеватели и миротворцы. Впрочем, карта Европы после 1900 г. с ее четко очерченными границами, большая часть которых не менялась с 1815 г. или по крайней мере с 1871 г., скрывала немало серьезных разногласий, в основном этнического характера.

Сербия, несколько десятилетий назад обретшая независимость и территориальную целостность и ставшая первым самостоятельным славянским государством современности, пыталась получить выход к Адриатическому морю, но в этом ей препятствовала Австрия, в 1908 г. аннексировавшая бывшую турецкую провинцию Босния и Герцеговина. Эта аннексия не только очевидно противоречила Берлинскому соглашению 1878 г., подписанному в том числе и Великобританией, но и позволяла Австрии контролировать Адриатическое побережье, протянувшееся более чем на 500 километров. К тому же в случае нападения Австрии на Сербию Босния могла служить ей военной базой.

Каждое из национальных меньшинств Австро-Венгрии мечтало присоединиться к одной из соседних стран, таких как Сербия, Италия или Румыния, или, как в случае чехов, словаков, словенцев и хорватов, получить некую форму автономии или даже образовать независимое государство. Поляки, находившиеся под властью Германии, Австро-Венгрии и России, никогда не оставляли своего стремления к независимости, подкрепленного обещаниями Наполеона, но на протяжении столетий успешно подавляемого кайзерами, царями и императорами.

14 декабря 1912 г. на опасность стремлений славянских народов для Австро-Венгрии в письме престолонаследнику империи Габсбургов, племяннику императора эрцгерцогу Францу Фердинанду, указал начальник австрийского Генерального штаба, барон Конрад фон Гётцендорф. «Воссоединение южных славян, — писал он, — одно из мощнейших национальных движений, которое невозможно ни игнорировать, ни остановить. Вопрос в том, состоится ли это воссоединение под эгидой монархии, и тогда ценой этого станет

потеря независимости Сербией, или же Сербия послужит для него основой, и тогда мы потеряем монархию». Фон Гётцендорф ясно дал понять, что объединение славян вокруг Сербии для Австрии будет означать потерю всех южнославянских провинций, то есть почти всего побережья. Утрата территорий и престижа в угоду Сербии «низведет статус монархии до средней европейской державы».

Страхи и желания многих государств и народов пока еще не привели к европейской войне, но стали пороховой бочкой, к которой оставалось лишь поднести спичку, чтобы грянул взрыв. Война дала бы прекрасную возможность осуществить давно вынашиваемые планы или посчитаться по старым счетам. Германию, несмотря на развитую промышленность и уверенность в своей военной мощи, встревожил тесный союз между ее западными и восточными соседями, Францией и Россией. В поисках союзника она ухватилась за громоздкую и внутренне неупорядоченную Австро-Венгрию, ставшую ее партнером по необходимости. А в 1882 г. Германия вовлекла в свою орбиту и Италию, создав Тройственный союз.

В 1898 г. визит кайзера к султану Абдул-Хамиду в Константинополь и его помпезное паломничество в Иерусалим, где представители всех трех монотеистических религий возвели для его проезда особые праздничные арки, продемонстрировал Османской империи и всему мусульманскому миру, что они смело могут искать в Германии друга. К 1914 г. на Масличной горе высились три впечатляющих каменных здания с видом на Мертвое море: русский Вознесенский монастырь, с 1888 г. символ восточных интересов Санкт-Петербурга; дом англичанина сэра Джона Грея Хилла, той же весной приобретенный сионистами для еврейского университета, символа зарождающихся национальных устремлений; благотворительная больница Августы-Виктории, построенная в 1909 г. и названная в честь жены кайзера, — памятник уверенному утверждению немецких интересов и амбиций.

В 1907 г. Великобритания подписала соглашение с Россией. Хотя главной целью соглашения было урегулирование затяжных англо-российских споров о разделе сфер влияния в далеких Персии и Афганистане, для Германии оно стало еще одним подтверждением обоснованности ее опасений по поводу возможного стратегического окружения. В знак серьезности своих намерений Германия с 1899 г. продвигала проект железной дороги от Берлина до Багдада и далее, планируя использовать Константинополь как место перехода из Европы в Азию.

Научно-популярное издание

Мартин Гилберт

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Редактор А. Райская

Художественный редактор Н. Данильченко

Технический редактор Л. Синицына

Корректоры О. Левина, Л. Козлова, Н. Соколова, Т. Филиппова

Компьютерная верстка Т. Коровенковой

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» –
обладатель товарного знака «КоЛибри»
115093, Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. №1
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге
191123, Санкт-Петербург, Воскресенская набережная, д. 12, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

ЧП «Издательство «Махаон-Украина»
Тел./факс (044) 490-99-01
e-mail: sale@machaon.kiev.ua

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

16+

Подписано в печать 01.07.2019. Формат 70×100^{1/16}.
Бумага офсетная. Гарнитура «Original Garamond».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 61,92.
Доп. тираж 2000 экз. В-НМА-16471-03-Р. Заказ №

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А
www.pareto-print.ru